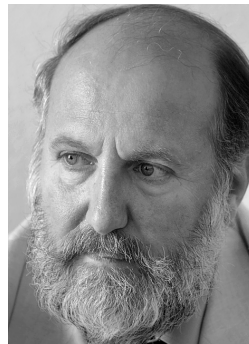

РЕНЭ ГЕРРА

Коллекционер-исследователь

Доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка и литературы в государственном университете города Ницца. Президент Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции. Окончив Сорбонну, несколько лет был секретарем писателя Бориса Зайцева. Дружил с русскими художниками и писателями Юрием Анненковым, Дмитрием Бушеном, Сергеем Ивановым, Сергеем Шаршунюм, Михаилом Андреевко, Александром Серебряковым, Ростиславом Добужинским, Ириной Одоевцевой, Владимиром Вейдле, Галиной Кузнецовой, Екатериной Таубер, Юрием Терапиано, Анатолием Величковским, Игорем Чинновым, Юрием Иваском, Романом Гулем, Яковым Горбовым и другими. Они дарили ему свои картины, рукописи, книги, архивы, которые включают сотни писем Бунина, Ремизова, Зайцева, Куприна, Гиппиус, Мережковского, Бальмонта, Цветаевой, Ходасевича, Адамовича и многих других ярких представителей «Серебряного века». Автор свыше 200 научных и публицистических работ по культуре (литературе и искусству) русской эмиграции первой волны. Удостоен государственных наград: орден Дружбы РФ (2007); «Кавалер за искусства и словесность» (1999) и «Кавалер за заслуги» (1987) Франции.

РЕПАТРИАНТЫ

Странная судьба «возвращенки» Наталии Ильиной

Уважаемый Господин Редактор!

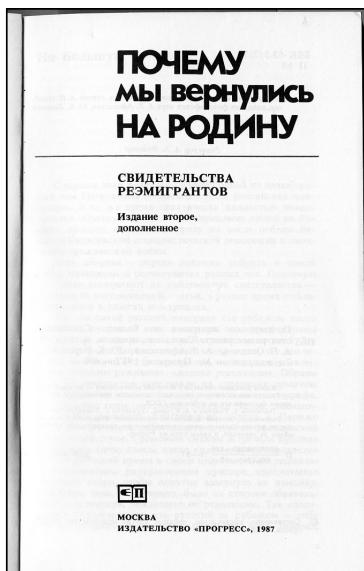
С некоторым опозданием я получил от коллеги газетную вырезку со статьей Аллы Латыниной «Господин Скандал на рынке мемуаров» («ЛГ» от 25–31 августа 1999). Вероятнее всего, отклик на эту публикацию следовало бы адресовать самой «Литературной Газете», которую я глубоко уважаю и на страницах которой не раз был представлен в самом лестном для меня виде. Но в статье 2-жи Латыниной задета честь Александра Щуплова, сотрудника «Книжного Обозрения», и поэтому я принял решение направить данное письмо в альманах «Русский мир».

То, что в вышеуказанной статье названо Скандалом (с большой буквы!), применительно к Наталии Ильиной, для тех, кто знаком не только с советской и российской, но и зарубежной русской прессой, отнюдь не является чем-то новым и сенсационным.

Об этом свидетельствуют многочисленные публикации в русской зарубежной печати, ознакомиться с которыми российскому читателю сегодня практически невозможно. Между тем, они безусловно заслуживают его внимания, и я хотел бы с ними его ознакомить.

Весьма вероятно, что Анна Ахматова, называя Н. И. Ильину «штабскапитаном Рыбниковым» (намекая на «основную» профессию и купринского героя, и журналистки-реэмигрантки, явившейся с Дальнего Востока), была осведомлена о публикации газетой «Русская Мысль» (Париж, 12. 10. 1957) «Открытого письма Наталии Ильиной», повторенной и рядом других зарубежных русских периодических изданий. Много позже

то же письмо было опубликовано еще раз в старейшем русском зарубежном издании «Новый Журнал» (Нью-Йорк, № 184–185, сентябрь–декабрь 1991). Мне кажется, настало время ознакомить с ним и читателей в России. (Уместно напомнить, что все публикации «Открытого письма» состоялись до смерти Н. И. Ильиной — в 1994 году, но от нее не последовало никаких протестов, возражений, опровержений...)

Для того, чтобы публикация «Открытого письма» была оценена по достоинству, хотел бы сказать несколько слов о его авторе — Юстине Владимировне Крузенштерн-Петерец (19. 06. 1903, Владивосток — 8. 07. 1983, Сан-Матео, Калифорния). С ней я познакомился в начале лета 1972 года благодаря моему другу, замечательному писателю Я. Н. Горбову, главному редактору ежемесячного литературно-политического журнала «Возрождение», постоянным автором которого была Юстина Владимировна. К слову сказать, после нашей встречи Ю. В. трогательно написала обо мне в своей статье «Летний отдых» в нью-йоркской газете «Новое Русское Слово» (от 3. 08. 1972 г.): «В кафе, неподалеку от „Русской Мысли“, Яков Николаевич Горбов представил мне симпатичного купчика-голубчика. Молодой, с хорошим открытым русским лицом. Окладистая, но ак-

куратная борода, спокойная, солидная речь — старообрядец, что ли? Оказался француз из Прованса, профессор Ренэ Герра. Сейчас работает над диссертацией о зарубежной русской литературе. На вопрос о том, где он так овладел русским языком, скромно отвечает: это заслуга моей учительницы, поэтессы Екатерины Леонидовны Таубер».

Отец Юстины Владимировны был кадровым офицером Российской Императорской армии. Его предком был знаменитый адмирал Иван Федорович Крузенштерн. Отец погиб на фронте в Первую мировую войну. Мать вместе с двумя детьми бежала от большевиков в Маньчжурию и обосновалась в Харбине. Получив образование и переехав в Шанхай, Юстина Владимировна посвятила себя целиком журналистской деятельности, сотрудничая как в русской, так и в английской прессе, обычно под псевдонимом Merry Devil (Веселый Бесенок).

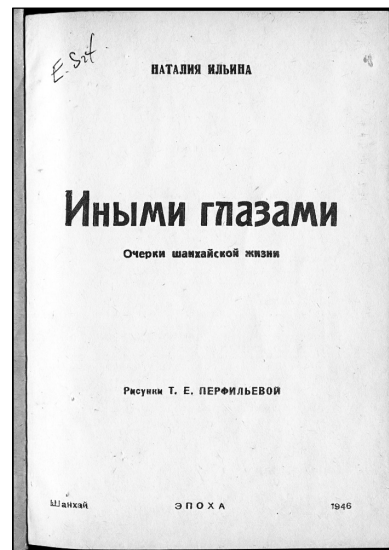
Юстина Владимировна была, безусловно, одним из лучших знатоков литературы русского Китая (см. ее статью «Чураевский питомник» в журнале «Возрождение», № 204, Париж, 1968). В Шанхае в 1946 г. ей удалось опубликовать свой единственный сборник стихов, сборник статей «Антигона» и другие работы, но затем пришлось бежать из красного Китая. После долгих мытарств Юстина Владимировна смогла перебраться в Бразилию, далее в США. Работала на «Голосе Америки», много публиковалась в русской зарубежной прессе. За год до смерти ее пригласили возглавить

газету «Русская Жизнь» в Сан-Франциско. В некрологе, опубликованном «Новым Журналом» (№ 153, Нью-Йорк, 1983), дан точный портрет этой благородной женщины «с твердым характером, что не мешало ей, однако, быть отзывчивой — любому человеку в нужде или в несчастье она с готовностью помогала. Бескорыстие, порядочность, живой ум, острую наблюдательность и интеллектуальную любознательность она пронесла через всю свою жизнь... Они с мужем, одаренным русским поэтом и публицистом Николаем Петерец, жили своим творчеством и, несмотря на житейские трудности, отвергали материальные ценности в пользу ценностей высшего порядка. Эти люди были верными носителями лучших традиций дореволюционной русской интеллигенции».

Мне представляется, что такая характеристика автора «Открытого письма» придает еще большую достоверность его содержанию. Добавлю, что абсолютно той же позиции придерживается и другой объективный и компетентный свидетель — писательница Елизавета Рачинская, чья книга воспоминаний «Калейдоскоп жизни» вышла в издательстве «Имка-пресс» (Париж, 1990 г.): «Да, грязное прошлое у „советской писательницы“ Натальи Ильиной, — завершает эту часть своих воспоминаний Е. Рачинская (1904–1993), — такое же, впрочем, как и у ее папаша, бывшего русского офицера, сотрудника японской военной миссии в Харбине, человека без чести и совести».

Своим умолчанием после публикации разоблачивших ее свидетельств Н. Ильина показала, что не в силах чем-либо возразить самоочевидному. Но одновременно она выказала еще и явное пренебрежение к словам правды. Совершенно очевидно, что она не просто не могла, но и не желала покаяться, не видела необходимости выйти с честью из сложного, тупикового положения, в котором оказалась. «О мертвых мы обязаны говорить только правду», — справедливо утверждал Вольтер.

Так какова же была деятельность оной журналистки в эмиграции? Было бы весьма любопытно и поучительно прочитать сегодня ее фельетоны и публицистические статьи против русских эмигрантов, публиковавшихся в Шанхае с 1942 по 1947 год в просоветской газете «Новая Жизнь». В этом листке грязно-желтого оттенка (и Китай тут не при чем) она воспевала «Союз нерушимый республик свободных» и «отца народов»... Уместно напомнить, что Н. И. Ильина была и сотрудницей Шанхайского отделения ТАСС, а позже в СССР не брезговала регулярно печататься в подленьком просоветском издании «В чужих краях», органе так называемого «комитета за возвращение на Родину и развитие культурных связей с соотечественниками», — что это за контора, ясно всякому.

Весьма вероятно, что у А. Латыниной и у других коллег и знакомых «возвращенки» Н. Ильиной, по незнанию или другим причинам, сложилось о ней более отрадное впечатление. Отсюда и опус «И только память обо всем

На снимке (слева направо): Ренэ Герра, Наталья Ильина, Ларисса Андерсен. Исси-ле-Мулино. Конец 1980-х

об этом... Наталия Ильина в воспоминаниях друзей» (изд. «Языки славянской культуры», Москва, 2004). Но ведь речь идет не о впечатлениях, а о непреложных фактах, пусть даже они отстают на несколько десятков лет по времени знакомства Латыниной и других мемуаристов с советской писательницей Ильиной. И факты — упрямая вещь, их можно оспорить лишь документами или свидетельствами из первых же рук. Боюсь, что сегодня свидетелей харбино-шанхайского периода жизни Н. И. Ильиной не найти. Нет более в живых Крузенштерн-

Петерец и Рачинской — как нет и тех, которые попытались бы опровергнуть их свидетельства. Это и дает широкие возможности для спекуляций и откровенной дезинформации. Старания родной сестры Н. И. Ильиной — Ольги Ильиной-Лаиль и ее племянницы Вероники Жобер можно понять. Однако не только рукописи, но и письма не горят — тем более открытые. Как и предлагаемое вашему вниманию письмо, подписанное Ю. Крузенштерн-Петерец.

«Открытое письмо Наталии Ильиной» (опубликовано в газете «Русская мысль», № 1120, Париж, 12 октября 1957 г.)

Наталия Ильина была хорошо известна на Дальнем Востоке, где с 1937 по 1946 год писала фельетоны в ряде изданий под псевдонимом «Мисс Пэн». После войны уехала в СССР. Ее знают и помнят тысячи русских дальневосточников, выехавших в США, Бразилию и другие страны. По цинизму и извращению фактов ее роман «Возвращение» превосходит все, что когда-либо писалось об эмиграции в советской прессе.

«Милая Наташа! Могу вас поздравить, Ваш роман „Возвращение“ (1-я часть, журнал „Знамя“, Москва, январь–апрель 1957 г.) читается в Рио-де-Жанейро русскими, прибывшими с Дальнего Востока, нарасхват. К сожалению, должна отметить, что читают его главным образом как документ из секретного отдела НКВД. Не там ли Вы писали его? И не был ли он, Наташа, Вашей платой за право проживания в Москве и прочие блага? Высказываю последнее предположение потому, что не могу себе представить такой литературной среды, даже советской, где бы роман стряпался по столь примитивному плану. Характеристика каждого Вашего героя зависит от того, как сложилась судьба оригинала. Если казнен или пропал в сибирских ла-

герях, значит, мерзавец. Не плачь о нем, советский читатель. Твой отец или брат тоже был таким мерзавцем. Будешь плакать, когда разрешат.

Легкое наказание или окрик: „тип политически шаткий“. А ты сам, гражданин читатель, не шатаешься? Смотри! Выехал из Китая, но не в СССР, а в другие страны, — клейми его, Иуду. Да не думай вострить лыжи. Сделать карьеру — вот что значит шагать в ногу с партией. Оказывается, и на Дальнем Востоке можно было быть сознательным. Прими к сведению. Нам, Наташа, Вы так сказать не можете, и мы, знавшие всех Ваших героев зачастую очень близко, можем сделать свои выводы. Читая обратно. Чем больше Вы ругаете Вашего героя, тем, значит, пришлось ему хуже. Если только не сумел выехать.

Это, может быть, первый случай в истории НКВД, когда его сотрудник совершенно легально сообщает за границу сведения о жертвах, и в этом — главное, вернее, единственное значение Вашего „романа“. Но, Наташа, Вы не всегда были сотрудницей НКВД. Когда-то Вы были просто „смешной сероглазой девочкой“, которую Вы изобразили в своей Тане. В Таниной маме, Софье Павловне, нетрудно узнать Вашу маму — Екатерину Дмитриевну. Из этой мамы потребовалось сделать косвенную жертву фашистов. Глава фашистов К. В. Родзаевский (Вы его называете прямо) в день обыска в советском консульстве (Харбин, 1929 г.) убивает на улице поэта Леонида Евсеева. Поэта горько оплакивает Танина мама. В Леониде Евсееве Вы, конечно, вывели поэта Леонида Ещина.

Наташа, неужели не стыдно? Леонид Ещин никогда никем не был убит, а скончался, бедняга, от алкоголя. Стихи его сохранились у Вашей мамы — там было много хорошего. Хотя бы:

Неужели не знаешь ты,
Господи Боже,
Что меня и обидеть-то грех?

Впутав его посмертно в грязную комбинацию, которую Вы назвали романом, бросив от его имени этой грязью в казненного Родзаевского, Вы обидели двух мертвых.

Дальше момент довольно щекотливый, уже из жизни Вашей мамы. По роману она, бедняжка, вынуждена идти учительницей в японскую школу для русских детей. На деле было не совсем так. Японцы назначили Вашу маму инспектором народного просвещения. Врагов своих они на такие посты не назначали. Когда политические страсти в городе слишком разгорелись, Ваша мама струсила и перебралась в Шанхай. Родзаевский тем временем возглавлял уже в Маньчжурии большое движение, навинчивал молодежь и, несмотря на целый ряд своих отрицательных свойств, грубейших ошибок, даже преступлений, многими был любим. Секрет прост — он не давал молодежи забывать о России.

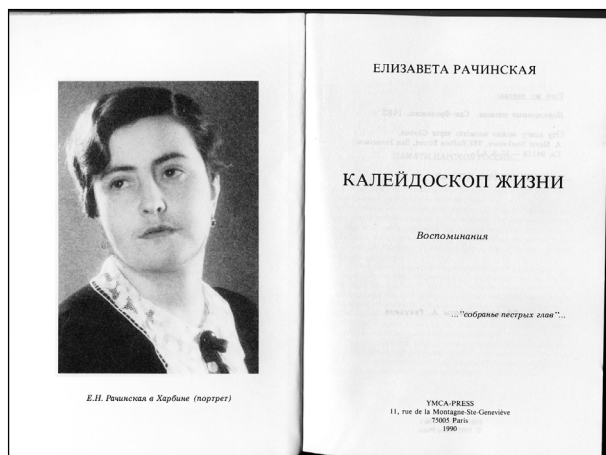
Вы прекрасно знаете, что я была с „оборонцами“, что фашизм меня всегда отталкивал и не мне бы заниматься апологией Родзаевского. Но когда топчут труп казненного, нельзя не возмутиться. Для чего, например, надо было придумать эту небылицу о деньгах, якобы украденных Родзаевским из стола редактора? Обвинение низкое, бездоказательное и ненуж-

ное. В пылу литературного азарта Вы, однако, не замечаете своих собственных краж. Так, рисуя свою гаденькую Марину Рассушину, Вы без стеснения приписываете ей стихи известной на Дальнем Востоке Лариссы Андерсен. Месть за то, что Ларисса не сдалась на Ваши уговоры и не поехала в СССР. Но вернемся к Вашей героине Тане. Таня приезжает в Шанхай, бьется в поисках службы, мучается — ее все обманывают, эксплуатируют. Автор, Наташа, была счастливее. Она сразу же устроилась фельетонисткой в шанхайскую „Зарю“, и многие из нас, я в том числе, с удовольствием читали живую и остроумную мисс Пэн. Скромный журнальный заработок Вас, однако, не устраивал.

О том, что было дальше, Вы пока в романе не сказали. Зато Вы занялись описанием католических монастырей, где монахини якобы скупали новорожденных детей по пятаку, наскоро их крестили, поили бобовым молоком и, уморив таким образом, бросали в ямы с известью (1937 г.). О том, что в Шанхае тогда скопились миллионы беженцев, что молока в городе хватало только на 10% жителей, что трупы детей и взрослых, умерших от голода, можно было найти на каждом углу, Вы забыли упомянуть. Вы забыли о том, что все госпитали и монастыри были переполнены ранеными и сиротами, что не хватало никаких средств на прокорм голодающих, а, кстати, и о том, что когда шли сборы на них, Вы сами никогда не дали ни одной копейки.

Вы были заняты другим. Вы работали спикером на японской радиостанции и прославляли подвиги тех самых японцев, которые жгли китайские деревни и гнали к нам беженцев. Попутно с работой у японцев Вы завели дружбу в немецких кругах, которая оплачивалась совсем щедро. Вы даже завели себе автомобиль. Автомобиль вызвал подозрение у японцев. Вы были приглашены в отдельную комнату. Разговор был неприятен и длился дня три. Выцарапал Вас Ваш друг — немец. По выходе на свободу у Вас брызнули „слезы обиды“. Тогда-то Вы и перешли в советский лагерь, где и стали делать карьеру. В течение пяти лет Вы систематически снабжали советское консульство доносами на нас, работавших против японцев не из личных выгод.

Во время войны по Вашим доносам советское консульство конфисковало единственный независимый журнал „Сегодня“ и передало его темной компании, в которой

Вы играли одну из первых скрипок. Вы приложили руку к разгрому поэтического кружка „Остров“, куда Вас не пускали. Это было уже после войны, когда Вы, очень тесно приблизившись к одному советскому тузу, уже заку-

силы удила. Вашим оговорам, интригам, провокациям можно было посвятить немало страниц. Особенно рьяно Вы работали во время репатриации, и сколько душ на Вашей совести, известно только Вам и Вашему начальству.

Начав так блестяще, можно себе представить, что Вы делаете в Москве. Но, может быть, Вам уже нет выхода. Может быть, петля, которую Вы так легко набрасывали на шеи других, уже стягивается на Вашей собственной шее. В таком случае следует Вас только пожалеть. И, возможно, даже простить. Одного только нельзя Вам простить, Наташа, того, что Вы называете себя писательницей. Ведь завет русского писателя издавна был:

в мой жестокий век восславил я свободу
и милость к падшим призывал.

Вы же славите кандалы и глумитесь над теми, кто уже не может себя защитить. И это Вы, сексотка, осмеливаетесь называть творчеством?»

Ю. Крузенштерн-Петерец, Рио-де-Жанейро, Бразилия

Литератор Э. Штейн включил это открытое письмо в свою статью «Китайские тени Валерия Перелешина», («Новый Журнал», № 184–185, Нью-Йорк, сентябрь–декабрь 1991).

Добавлю, что весь этот материал я послал в начале 2000 года писателю Борису Тимофеевичу Евсееву, в то время заместителю главного редактора «Книжного Обозрения», но главный редактор С. В. Яценко, как ни странно, побоялся его напечатать.

Париж, апрель 2000 г.

Р. С. Кроме двух убийственных свидетельств Ю. В. Крузенштерн-Петерец и Е. Н. Рачинской, есть еще и третье — писательницы и журналистки Норы Крук, напечатавшей в Австралии, в январе 1994 года, статью «Памяти Натальи Ильиной» в газете «Взгляд» (№ 4. 24):

«Советская патриотка, сотрудница „Новой жизни“, возвращенка, Наташа вернулась „на родину“ в 1947 г. В скором времени вышла ее автобиографическая повесть „Возвращение“, где были оболганы все решившие остаться в Китае. Может быть, это было платой за будущее успешное продвижение? Наташа привязывалась к людям в порядке нужды. После репатриации ходили упорные слухи о том, что бывший ее муж, поэт Лев Гроссе (сын последнего российского посла в Китае), погиб в лагерях не без Наташиного участия...»

Эту же ситуацию преданная и благодарная племянница Натальи Ильиной — Вероника Жобер — в 2004 году излагает, мягко говоря, в другой тональности: «Лев Гроссе тоже приехал в СССР, судьба его, как и судьбы многих репатриантов, была трагической...» (см.: «И только память обо всем об этом...» Наталия Ильина в воспоминаниях друзей. Ред. В. Жобер. Изд. «Языки славянской культуры», Москва, 2004). Напрашивается естественный вопрос: а почему же у «тети из Москвы» судьба оказалась столь счастливой и удачной? Сию странную историю «возвращенки» Ильиной мы обсуждали с поэтессой Норой Крук.

С ней я познакомился в Париже много лет тому назад, благодаря нашему общему другу, замечательному поэту Лариссе Андерсен. Конечно, во время наших тогдашних встреч и бесед, расспрашивал ее о русском Китае, о жизни русских в Харбине и в Шанхае, о тех поэтах, писателях, журналистах, которых она знала. Отчетливо помню, что именно Нора, очень умная, интеллигентная и достойная дама, мне тогда говорила и об Ильиной. Отчасти отголоски тогдашних рассказов можно найти (правда, в менее резкой форме) в ее статье 1994 года. Впоследствии, по возвращении домой, в Сидней, Нора Крук, проникшись симпатией ко мне и зная мою страсть к собирательству и изучению русской эмигрантской литературы, сделала бесценный подарок, прислав редчайший сборник «Остров» (1946 г.) Шанхайской студии поэтов. Теперь он с инскриптом Л. Н. Андерсен является украшением моего собрания эмигрантской поэзии.

Когда в моем доме-музее в Исси-ле-Мулино побывали два известных поэта русского Китая М. Н. Волин и В. Ф. Перелешин (см.: «Русские поэты в Китае», «Континент» № 34, Париж, 1982; «Два полустанка». Воспоминания свидетеля и участника литературной жизни Харбина и Шанхая. Амстердам, 1987. С. 117), они оба не только подтвердили то, что я уже знал об Ильиной, но прибавили (в особенности М. Волин) много обличительных подробностей о недостойном поведении автора книги «Возвращение», которую бывшие харбинцы называли с омерзением «Извращение».

В моем архиве сохранились звукозаписи рассказов В. Перелешина, М. Волина и В. П. Петрова, историка русского Китая, гостившего у меня в 1997 году, которые я непременно опубликую в своей книге воспоминаний.

Как уже было сказано, в литературных кругах в СССР всем было известно, что А. А. Ахматова неспроста дала Н. И. Ильиной кличку «штабскапитан Рыбников»: ведь не секрет, что многие считали (не без основания) эту даму осведомительницей. Этим и объясняется, что, несмотря на неоднократные предложения ее племянницы Вероники, моей сокурсницы в Сорбонне, я упорно, долгие годы, отказывался знакомиться в Париже с Ильиной. Все-таки много лет спустя, уже в перестроечные годы, в конце восьмидесятых, по уговорам моей приятельницы Л. Н. Андерсен и ее подруги по Харбину Нины Мокринской, принял Ильину у себя в Исси-ле-Мулино. И тут в высшей степени странное поведение Ильиной подтвердило многое из того, что я о ней уже слышал, читал и знал. Она отказалась надписать свои советские «агитки», лживые сочинения «Дороги и судьбы» (Москва, 1985), которые именно для этого трогательно принесла Н. Мокринская. Ильина, естественно, отказалась оставить свои автографы на гебешных изданиях пресловутого «Комитета за возвращение на Родину и развитие культурной связи с соотечественниками» под предлогом, что ее якобы в них напечатали без ведома и разрешения автора. Чистое вранье! Там была даже воспроизведена ее фотография, а второе издание было уже эпохи перестройки («Почему мы вернулись на Родину». Свидетельства ре-эмигрантов, сб. «Прогресс», Москва, 1987. С. 189–197).

Наталья Ильина, человек, безусловно, цепкого ума, довольно быстро поняла, к кому попала, и вдруг, сбросив маску советской либералки, по-

казала свое настоящее нутро. От этого визита совпатриотической дамы у меня сохранились весьма красноречивые фотоснимки, которые о многом говорят — стоит лишь всмотреться в мимику и взгляды. Добавлю, что после этого рассчитывать на симпатию Вероники Жобер я уже не мог.

Еще один вопрос. Каким образом и какой ценой Наталья Ильина в застойные годы запросто ежегодно ездила в Париж и в Лондон повидать сестру Ольгу? И не странно ли, что та систематически организовывала для французских туристов поездки в СССР? Случайно ли она сотрудничала с Интуристом? Кстати, тоже ведь Комитет!

Уже давно пора написать всю горькую правду о незавидной, печальной и трагической судьбе литераторов-репатриантов. В их числе — Л. Д. Любимов, бывший журналист консервативной газеты «Возрождение», ма-сон и советский агент (см.: Р. Б. Гуль «Я унес Россию». Нью-Йорк, 1984. Т. 2. С. 178), автор первой лживой книги об эмиграции «На чужбине», изд. «Советский писатель». Москва, 1963; Д. И. Мейснер, автор книг «Исповедь старого эмигранта» (изд. «Голос Родины», Москва, 1963) и «Миражи и действительность. Записки эмигранта» (изд. АПН, Москва, 1966), Н. Я. Рошин, А. Н. Вертинский, А. П. Ладинский, С. Я. Эфрон, А. В. Эйсер (завербованный С. Эфроном), В. Б. Сосинский, Ю. Б. Софиев, Г. Ф. Шеметилло, А. Л. Казем-Бек, И. Н. Голенищев-Кутузов, Л. В. Гроссе, Л. И. Хайндрова, Н. А. Щеголев, Вс. Н. Иванов, В. Н. Померанцев, Н. Ф. Светлов, А. П. Паркау, В. Н. Иевлева, М. Ц. Спургот и далее — от А. Куприна (1937) до И. Одоевцевой (1987). Такая книга необходима, чтобы россияне, и особенно молодое поколение, узнали об еще одной трагической странице своей истории. Русский язык первой половины XX века навсегда запечатлел некоторые чудовищные моменты российской трагедии, неологизмы — такой, например, как существительное «приспособленчество», и Н. И. Ильина — яркая иллюстрация подобного явления. Белые эмигранты в массе не захотели принять новые порядки, понимая, что никак и никогда не смогут приспособиться к большевистской Совдепии, поэтому выбрали изгнание, а те немногие из них, которые все-таки решились вернуться, прошли страшный путь. Какой ценой они выжили в СССР, мы не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем, известно лишь, что самые достойные погибли. Советская власть репатриантов остерегалась и презирала, при этом заставляя себе служить верой и правдой. И я решил такую страшную книгу написать. Первая глава книги мной уже написана, а последнюю — о возвращении И. В. Одоевцевой в СССР, правда, уже в перестроечное время, — скоро допишу, тем более, что я, волею судеб, оказался не просто живым свидетелем этого возвращения, но и прямой жертвой...

*Париж.
Март 2009*